

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-457-468>
EDN: JMNSXW

Научная статья / Research Article

«Манкурт» — «Иксрод» — «Das Man»: кризис модерна в позднем периоде творчества Чингиза Айтматова

А.И. Кадыров

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 argenkaddyrov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена историко-философскому анализу творчества кыргызского писателя-гуманиста советского периода Чингиза Айтматова (1928—2008). Первоначальный период творчества писателя характеризуется его очарованием «душой Фауста», результатом которого стали ранние произведения писателя, где он вдохновенно воспринимает идеи прогресса, социализма, коммунизма, просвещения, иными словами — главные идеи эпохи модерна. Однако позднее, под огромным влиянием русской и мировой классической литературы и активным изучением кыргызской традиционной культуры, эпоса «Манаса» он вышел на такие фундаментальные метафизические темы, как народ, личность, судьба, мораль, гуманизм и т.д., тем самым он сделал попытку изжить из себя первоначальную «душу Фауста» с ее прямолинейностью, склонностью к бесконечному покорению всего. Так писатель постепенно все более и более утверждал себя в качестве гуманиста. Айтматовский гуманизм проявляется в описаниях его героев, включая таких персонажей, как Едигей и Бостон. Каждый герой, несмотря на свои отдельные недостатки, выражает искренность, чистоту души и преданность своим идеалам. Но вопреки этим попыткам писатель все же сохранял некоторую двойственность: с одной стороны, он выступал как убежденный критик модерна, безликой техники, с другой, — он воспринимал процесс модернизации как объективное развитие истории, которое требует осмысления. Результатами поздних идей писателя становятся новые понятия, такие как «манкурт» и «иксрод», обычно используемые для описания сознания человека, ставшего возможным при встрече модерна с традицией. В известной мере эти понятия идентичны понятию «Das Man» Мартина Хайдеггера.

Ключевые слова: фаустовская душа, Das Man, манкурт, иксрод, модерн

История статьи:

Статья поступила 29.11.2022

Статья принята к публикации 01.02.2023

© Кадыров А.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Кадыров А.И. «Манкурт» — «Иксрод» — «Das Man»: кризис модерна в позднем периоде творчества Чингиза Айтматова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 457—468. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-457-468>

“Mankurt” — “Xrod” — “Das Man”: Crisis of Modernity in Late Period of Chingiz Aitmatov’s Work

A.I. Kadyrov

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
 argenkadyrov@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the historical and philosophical analysis of the work of the Kyrgyz humanist writer of the Soviet period, Chingiz Aitmatov, whose early work is characterised as a fascination with the “Soul of Faust.” (Spirit of Faust) The result of this was the writer's earlier works, where he fervently perceives the ideas of progress, socialism, and enlightenment, in other words, the main ideas of the modern era. Later, under the huge influence of Russian classical literature, as well as active study of traditional Kyrgyz culture, epic “Manas”, he spoke on such fundamental metaphysical topics as people, personality, fate, morality, humanism, etc., thereby trying to get rid of the “Soul of Faust” (Spirit of Faust) with its straightforwardness, its propensity for the infinite settlement of everything. So the writer gradually asserted himself more and more as a traditional humanist. But despite these attempts, the writer still retained some ambivalence: on the one hand, he acted as a staunch critic of modernity, faceless technology and on the other, he perceived the modernization process as an objective development of history that needs to be perceived and comprehended. The results of the writer's later ideas are new concepts such as “Mankurt” and “Ixrod” usually used to describe the consciousness of a person who became possible at the junction of modernity with tradition. To a certain extent, these concepts are identical to the idea of “Das Man” by M. Heidegger.

Keywords: faustian spirit, Das Man, mankurt, ixrod, modern

Article history:

The article was submitted on 29.11.2022

The article was accepted on 01.02.2023

For citation: Kadyrov AI. “Mankurt” — “Xrod” — “Das Man”: Crisis of Modernity in Late Period of Chingiz Aitmatov’s Work. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):457—468. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-457-468>

Введение

«На месте ли мир?», — спрашивает Чингиз Айтматов устами своего героя в последнем романе «Когда падают горы» (2007), и сам же на этот вопрос отвечает, — «мир уже не на месте» [1. С. 396]. Почему?

На наш взгляд, поздний Айтматов не ради только построения литературного сюжета задает этот вопрос, который в детстве он часто слышал от своих

односельчан-аксакалов. В этом вопросе писателя мы замечаем обращенность к миру как пространству. Для кыргызского писателя именно пространство, в отличие от времени, является объектом его поздних размышлений: большое казахское пустынное пространство — Сары-Озеки, бескрайние просторы Маюнкумской саванны и др. Но пространство мыслится не в смысле физической величины как протяженности, а его восприятие через внутренний мир человека. В произведениях Чингиза Айтматова часто прослеживается мысль о том, что окружающая среда может сохранять свою неизменность на протяжении многих веков, но внутренний мир человека, его личность, может постепенно исчезать, превращаясь в безликого, массового человека наподобие «иксрод-манкурта».

Увлечение и разочарование «Фаустовской душой»

Поздние романы Айтматова являются следствием его приобщения русскому, а через него и к европейскому культурному пространству. Вчерашний кочевник, видящий жизнь в совершенно ином свете, теперь же окунается в логику жизни иной системы и сам становится выдающимся представителем этой культуры. Так писатель знакомится с культурой «Фауста», — термин, используемый немецким культурологом Освальдом Шпенглером для характеристики новоевропейской культуры. По Шпенглеру, «Фаустовская душа» связана с понятием линейности и бесконечности — это противоположно телесной осязательности античной культуры. По Шпенглеру, культура, описываемая как «Фаустовская», стремилась к расширению во всех смыслах — политическом, экономическом и духовном. Она не знала границ и преодолевала все материальные и географические препятствия, и в итоге превратила Землю в одну большую колониальную область и хозяйственную систему [2]. Исследователи А. Горелов и Т. Горелова считают, что «тут соединились в один клубок цивилизационные (мотивы воли к власти и пространственная экспансия), экономические (капитализм) и политические (идеология либерализма) причины новоевропейской эпохи» [3. С. 32]. О критике «Фаустовской души» написано много работ, но нам представляется, что О. Шпенглер удачно использовал метафору «Фаустовской души» для символического представления Нового времени.

Поглощение Российской империей центральной Азии в статусе одной из сильнейших европейских держав и последующие события, связанные с социалистической революцией, существенно затронули онтологические основания культуры полукочевого кыргызского народа, перешедшего к оседлому образу жизни. В каком-то смысле можно считать, что творчество Айтматова представляет собой продукт рефлексии над этими фундаментальными изменениями бытия своего народа.

«Фаустовская душа» тянула всех представителей тогдашней советско-кыргызской интеллигенции к себе, кроме того, появившаяся прослойка интеллектуалов была продуктом советской политики, — здесь не был

исключением и Айтматов. Как поясняет консервативно настроенный немецкий мыслитель О. Шпенглер, либерализм, а равно и социализм были разными проявлениями этой «Фаустовской души». Р. Гергилов утверждает, что в своих трудах Шпенглер относит национал-социализм и марксизм к материалистической форме религии [4]. Шпенглер писал, что обе эти идеологии базируются на идее прогресса, которая стала доминирующей в либеральном мышлении XIX века. В своих ранних произведениях Айтматов приветствовал идеи коммунизма, прогресса и индустриализации, но постепенно начал осмысливать их связи с понятием нации. Это было связано с репрессированием отца будущего писателя в годы сталинского террора за якобы преступную деятельность против коммунизма. В зрелом возрасте писатель использует свои личные экзистенциальные переживания за отца в качестве движущего мотива для основательной критики тоталитаризма в любой его форме (особенно в повести «Белое облако Чингисхана»). Он предупреждает своих читателей о «свежих ранах», которые были нанесены сталинской инквизицией.

Первоначально, несмотря на трагические события его личной жизни, писатель, как и многие другие, наполнен стремлением воплотить в жизнь самые передовые идеи коммунизма и индустриализации. Например, в самих ранних произведениях он противопоставляет человека старой эпохи с кетменём в руках человеку зарождающего модерна. Вот как он описывает этот момент в рассказе «Сыпайчы» (1953): «Ему стало жалко себя, он почувствовал себя беспомощным человеком, который не может понять, что происходит вокруг. Люди на берегу Таласа что-то делают, но делают без него, без Бекназара» [5. С. 42]. Заметно, что в диалоге прежняя гармония человека с природой заменяется антагонизмом между ними. Так, непокорная прежним людям река на этот раз шепчет: «Что, Бекназар! Опозорился? — шумит Талас» [5. С. 42].

Пройдет всего то немного времени, и река Талас станет покорной уже новому человеку: «„А вон то, наверное, и есть экскаватор! Недаром везде говорят о нем... Ох, и шайтан-машина [дьявол-машина], как берет землю“ ... Теперь и Талас станет покорным» [5. С. 43].

На наш взгляд, можно найти поразительную внутреннюю взаимосвязь изначального понимания техники Айтматовым с взглядами немецкого философа Мартина Хайдеггера. Согласно Н. Мотрошиловой, публикация «Вопроса о технике» стала отправной точкой для основательной критики Нового времени в философии Хайдеггера. Она отмечает, что в «Черных тетрадах» это проявляется особенно ярко, где Хайдеггер показывает неудержимую власть растущей машинной техники [7]. Нужно заметить, что описываемое Айтматовым отношение к технике у кыргызов проявлялось специфичным образом. Отсюда, герои Айтматова описывают технику как «дьявол-машину», — ведь нечто чуждое, неопознанное, всегда воспринимается как угроза, часто как дьявол. С помощью этой машины река Талас была подчинена контролю со стороны человека и, вместе с тем, изменилось ее предназначение. В отличие

от прежних времен, когда человек, органично слитый с природой, «как опытный врач изучал дыхание горной реки» [5. С. 33], «Фаустовый» человек видит в природе соперника, которого надо одолеть: «Мы всегда будем бессильными, пока не построим „в реке“ шлюзы, пока не откажемся от своих сыпав» [5. С. 33]. «Если страшно, сидел бы дома, в юрте!» [9. С. 86], — отныне, юрта из священного пространства, символизирующего стояние кочевника-воина, стала символизировать место для трусов.

С одной стороны, осмысливаемая Хайдеггером сущностная взаимосвязь современной техники в эпоху Нового времени, а с другой, — «Фаустовская душа» Шпенглера, прекрасно накладываются на те процессы, которые описывает Айтматов в ранних произведениях, правда последний изначально делает это без глубокого проникновения в метафизическую суть событий. «Фаустовская душа», с ее вездесущим требованием к покорению невозможного и сложного, прекрасно ложится на новую культурную почву вчерашних кочевников, которые избыток своей кочевой энергии с великой верой направляли на построение оседлого образа жизни.

В последующих произведениях Чингиза Айтматова мы уже не видим попытки возвыситься над природой, и прежний энтузиазм, вера в бесконечный прогресс ослабевает, и в каком-то отношении у писателя ощущается разочарование. Можно сказать, что с этого момента начинает рождаться Айтматов-гуманист, сменив собой прежнего носителя «Фаустовской души». Через огромное влияние русской классической литературы, особенно Ф.М. Достоевского, он начинает вплотную обращаться к человеку, личности и миру детей, — вместо восхваления очередных больших технических проектов.

Чингиз Айтматов отмечает, что Ф. Достоевский, считавшийся одним из великих мировых писателей, особенно ясно видел надежду на выход из темноты в детях, которые являются самыми чистыми и непорочными существами, а также в тех, кто был унижен и оскорблен. Избавление от «Фаустовской души», ее прямолинейности, а также уход от жестких догматических и идеологических нарративов коммунизма происходило в результате активного изучения мировой классической литературы и философии.

Здесь следует подчеркнуть влияние на взгляды писателя гуманистической традиции эпохи Возрождения. Как пишет А. Горфункель, гуманизм ведет к новому пониманию человеческого достоинства и места человека в мире, обращая внимание на внутренний мир человеческой личности и открывая новые пути к обновленной антропологии [10]. Но, вместе с тем, айтматовский гуманизм, в отличие от ренессансного, не основывается на идее антропоцентризма, отрицающего теизм («религии человекобожества» — С.Н. Булгаков). Айтматовский гуманизм выводит человека на первый план, при этом не отдаляясь от Бога и не ставя человека в привилегированное положение по отношению к природе и животным, а скорее органично объединяя их («Прощай, Гульсары!», «Плаха», «Когда падают горы»). Интеллектуальная предыстория европейского гуманизма не совсем подходит для объяснения айтматовского

гуманизма. Однако, наш ответ на вопрос, можно ли причислить Айтматова к гуманистам, — безусловно, да. Человек является центральной темой творчества Айтматова.

Несмотря на размежевание с «Фаустовской души», писатель всегда сохранял двойственность своей души: с одной стороны, он, как один из выдающихся писателей Советского Союза, всегда носил в себе дух коммуниста, прогрессиста, другими словами, модерниста, а с другой стороны, в нем можно было увидеть обычного, до невероятной степени простодушного, традиционного кыргыза, живущего исключительно в собственном мире, как его собственный герой Едигей из романа «И дольше века длится день».

Творчество на стыке двух культур

Как пишет Н. Бердяев, «XIX век в России не был целостным, был раздвоенным, он был веком свободных исканий и революции» [6. С. 116]. Возникновение антагонизма между славянофильством и западничеством в XIX в. отражало глубинные философские противоречия в развитии России, которые до сих пор не потеряли своей актуальности. Этот конфликт выражал две разные философии о том, какое будущее должна иметь Россия: сохранять свои традиционные ценности и пути развития, или стремиться к прогрессу и модернизации, ориентируясь на западные стандарты и ценности. Будучи русским и кыргызским писателем, Чингиз Айтматов также неизбежно сталкивался с подобными вопросами. В своем творчестве он активно обращался к опыту знаменитых русских писателей и философов того времени, что придавало его произведениям философскую глубину и общечеловеческий смысл.

Чингиз Айтматов полагает, что русская литература XIX века возникла и развивалась как средство борьбы за утверждение личности и человеческого достоинства. Он утверждает, что настоящее человеческое достоинство проявляется в свободе мысли, которая позволяет человеку почувствовать себя свободным, достойным и полноценным членом общества. В этой борьбе Айтматов считает, что Пушкин, Достоевский и Толстой играли главную роль в объединении этой раздвоенности, так как они отражали дух народа и выражали его стремления. Ведь уже Ф. Достоевский заметил, что никакой другой русский писатель, до и после Пушкина, не был настолько связан с духом и культурой своего народа [11].

Русские писатели, в том числе Пушкин и Достоевский, верили, что национальная и религиозная идентичность неразделимы и взаимосвязаны в своем метафизическом содержании. Эти аспекты представляли собой единое целое, которое определяло характер русской культуры и народа. Российский философ Б. Межуев отмечает, что русская философия так или иначе будет обращаться к темам и интуициям, которые предложены Вл. Соловьевым: она будет стремиться найти универсальную истину, способную объединить науку и религию. По его словам, мы скучаем в мире Витгенштейна, где преобладают частные проверяемые факты и отсутствует метафизическая опора веры [12].

Согласно Вл. Соловьеву, русская идея не может иметь иного сложения, кроме как из определенных аспектов христианской идеи [13]. Большинство русских философов и писателей, интересовавшихся в молодости «душой Фауста», в зрелые годы не миновали темы православия. Идея социализма была одной из идей, которыми увлекались русские интеллектуалы. Также здесь мы заметим то, что несмотря на негативное отношение Достоевского к социализму, у него присутствует тема народного, «русского» варианта социализма, а точнее — христианского социализма.

Русская литература и культура всегда были тесно связаны с народом и его мифологией. Обращение к народной теме в литературе является проявлением не только культурного, но и метафизического осознания своих корней. В этом смысле, русские писатели, включая Айтматова, старались восстановить связь человека с миром, народом и его традициями, — все они находились в поисках утраченных ценностей и связей, которые могли бы привести к осознанию глубинного смысла бытия. Поэтому обращение к народной теме не только является ярчайшим явлением русской прозы, но и выражением философской и культурологической мысли о том, что народ и его традиции являются ключевыми элементами в понимании мира и смысла жизни.

Как представитель кыргызской культуры, Айтматов глубоко понимал, что национальные и общечеловеческие ценности не являются противоположными понятиями, а скорее взаимосвязанными. В своей прозе он часто использовал народные мотивы и символы, чтобы передать всеобщие истины и ценности. Он убежден, что только на основе общечеловеческих ценностей, но с учетом национальных особенностей культуры, можно создать истинно ценную и глубокую литературу.

Манкурт — Иксрод — Das Man

Поздние произведения Чингиза Айтматова можно считать своеобразным ответом на вызовы нашего времени. Писатель, осмысливая постсоветское общество, выражал скептическую настороженность и тревогу. Он показывал, как после ухода больших политических идеологий общество сталкивается с новыми вызовами и проблемами. А. Горелов указывает на то, что некоторые элементы социализма, такие как бесплатное здравоохранение и образование, право на труд и отдых и др., были успешно воплощены в жизнь [14]. Огромный прогресс науки, технологии и экономики сделал мир более сложным и непредсказуемым. В таком контексте понятия «манкурт» и «иксрод» становятся ключевыми для понимания того, как постидеологическое и постпросвещенское сознание функционирует в современном мире.

Введенные Айтматовым понятия «манкурт» и «иксрод» имеют глубокий философский смысл и отражают проблемы современного общества и человека. «Манкурт» описывает человека, который потерял свою культуру, идентичность и свободу в результате систематической пропаганды и принудительного воздействия со стороны власти и массовой культуры. Концепция

«Das Man» Мартина Хайдеггера также имеет сходства с понятиями Айтматова. «Das Man» описывает человека, который потерял свою индивидуальность и стал частью безликой массы, просто следуя за общепринятыми нормами. Вместе с тем понятие «Das Man» более абстрактно и теоретично, в то время как «манкурт» и «иксрод» Айтматова имеют конкретную социальную и историческую составляющую. Понятие «иксрод» является вымышленным словом, созданным Чингизом Айтматовым для характеристики постидеологического и постпросвещенческого сознания в современном обществе. В романе «Тавро Кассандры» писатель описывает «иксрод» как существо, которое утратило свою индивидуальность и стало частью массы. «Иксрод» символизирует потерю человеческой индивидуальности и духовности в современном обществе, где ценности массовой культуры и потребительского общества стали культовыми.

В романе «И дольше века длится день» Чингиз Айтматов через образ Сабитжана описывает современного манкурта, который, несмотря на свое образование и просвещение, потерял связь со своими традициями, отсутствие которых сильно пошатнуло его моральные и человеческие качества. «Манкурт», как существо, озабочен только настоящим и повседневным. Этому типу человека противопоставит другой человек — Едигей, который произносит: «„Что за люди пошли, что за народ! ... Для них все важно на свете, кроме смерти!“» [15. С. 30]. Так писатель переносит понятие манкурта из исторического контекста в современность. Кроме политических идеологий, запущенный масштабный процесс просвещения народа, имея в большей части позитивные черты, все же не обошелся без перегибов, когда все народное, традиционное считалось пережитком прошлого, которое нужно искоренить.

Описываемое Айтматовым понятие «манкурт» отражает суть хайдеггеровского человека «Das Man». Мартин Хайдеггер вводит понятие «Das Man», которое описывает не подлинное существование человека, связанное с сосредоточенностью на материальных вещах и изменении мира вокруг себя [16]. Мир повседневности характеризуется главным образом тем, что люди стремятся оставаться в настоящем, избегая будущего, которое ассоциируется со смертью. Людское сознание здесь не способно осознать свою собственную смертность и ограниченность временем. По Хайдеггеру, обращение человека к бытию — Dasein — означает глубокое осознание своей сущности и конечности.

Продолжением темы манкуртизма является понятие «иксрод», — продукт современной экспериментальной науки, в ее намерении создания улучшенных и измененных в лаборатории человеческих существ, целью которой является достижение бессмертия. Писатель-гуманист занимает крайне критическую позицию относительно искусственного вмешательства в генетику человека. Для Айтматова человек-иксрод есть вершина развития современной науки и цивилизации, особенно в его «Фаустовском» виде. Писатель описывает, что цель создания человека-иксрода заключается в том, чтобы устранить

«архаичные» институты семьи и родственных отношений, которые являются элементами старого мира насилия, и заменить их искродами [17]. Вера в технику и уподобление ей как той силе, которая раз и навсегда способна решить все человеческие проблемы, избавить человека от несовершенства и пороков, является утопичной и подменяет духовное понимание бессмертия души.

Для писателя-гуманиста человеческая сущность как раз в том и состоит, что человек несовершенен. По его мнению, жизнь без добра и зла немыслима, так как человек втянут в постоянную борьбу между этими силами на поле «мирового разума» (писатель использует этот термин в своем романе «Гавро Кассандры»). По его мнению, человек не рождается с исходно добрыми качествами, и для того, чтобы достичь желаемого идеала человека, необходимо постоянно прилагать духовные усилия. Человек, избравший сторону добра, вступает в постоянную борьбу со злом, но, несмотря на его непрекращающиеся усилия, в большинстве случаев победу одерживает зло. В итоге, природа и животные вмешиваются в эту ситуацию (в произведениях писателя киты, волки, олени, барсы включены в сюжетную линию, наравне с людьми). По его мнению, человек не рождается с исходно добрыми качествами и для того, чтобы достичь идеала, необходимо постоянно прилагать усилия. Отсюда его знаменитая философия: «Тяжелее всего человеку быть человеком изо дня в день» [18. С. 194]. Здесь заметно влияние библейской традиции, где человек наказан Богом за грехопадение и ему необходимо постоянно совершенствоваться, чтобы искупить вину.

В образе Едигея из романа «И дольше века длится день» можно заметить «возвращение» того человека, который жил за бортом «Фаустовской души» (Бекназар из рассказа «Сыпайчы»). В этом смысле Едигей — тот же Бекназар, — который выступал в ранних произведениях: «Едигей уже забыл о космическом корабле, стартовавшем прошлой ночью. <...> ...для него все эти космические полеты, столь занимающие всех, были очень далеким, почти магическим, чуждым его делом» [15. С. 35]. Едигей — это человек, который столкнулся с модерном, но сохраняя не расположенность души к модерну, он вынужден иметь дело с этим миром. В отличие от, например, концепции археомодерна А. Дугина [19], с где борьба между традицией и модерном происходит в основном в интеллектуальной сфере, борьба Едигея с новыми людьми (Сабитжан) осуществляется не в сфере рефлексивных состязаний, а именно в сфере морали. В отличие от тех же русских славянофилов, прекрасно знавших «Фаустовскую душу» изнутри, у Едигея отсутствует интеллектуальный доступ к ней, поэтому он в споре с городскими людьми уступает в знаниях. Но его преданность сохранению традиций, достоинству и почитанию предков человеческого рода остается непоколебимой. В его мире все это не зависит от уровня образования и масштабов просвещенности. В этом выражается принципиальное отличие его понимания традиции от новоевропейской культуры, где идеологи-просвещенцы видели прямую связь между уровнем образования и моральной осознанностью. Таким образом, писатель выражает свою

благосклонность к персонажу, отмечая, что ему бы хотелось, чтобы люди, подобные Едигею, дожили до глубокой старости и передали знание своей души следующему поколению.

Кроме того, можно заметить то, что большинство произведений Айтматова не загромождено «языком» терминов и понятий, что позволило ему обойтись без жонглирования понятиями: большинство диалогов между его героями происходит с помощью живого, обыденного языка. В этом и выражается душа Едигея: он менее образован, но больше сохранил истинно человеческие качества, такие как сострадание, преданность к труду и семье, а главное — веру и надежду на лучшее будущее человечества. «Фаустовская душа» была повержена перед стойкостью Едигея, что не скажешь о последнем герое Айтматова.

В романе «Когда падают горы», написанном более чем через тридцать лет после «И дольше века длится день», писатель рисует человека, который в известной мере представляет собой прямую противоположность Едигея, но сохраняющего душевную взаимосвязь с последним. Главный герой — Арсен Саманчин — интеллеktуал, журналист и прекрасно образованный человек. Но у него отсутствует тот внутренний моральной стержень, что присутствовал у Едигея. Он — человек с «душой Фауста», но несмотря на дерзость духа, неуверенный в себе, у которого имеется бесчисленное количество вопросов. Он также есть прямая противоположность ранних героев Айтматова. Например, Данияр из повести «Джамийля», обычно идя по дороге на повозке любил петь, Саманчин же по дороге всегда напряженно размышлял, «...размышлял все о том же: как жить: дальше, как быть? И если бы только это! Набегала попутно все та же настойчивая, неотвязно терзающая мысль [о самоубийстве]» [1. С. 358]. Он уже не мог найти умозрительную альтернативу самоубийству, его не спасали новые идеалы, которым он всегда старался быть верным. В этом смысле он покинул почву кыргызской культуры.

Заключение

На наш взгляд, в этом и выражается смысл вопроса Айтматова, который мы поместили в начале статьи — «на месте ли мир?», и его ответ — «мир уже не на месте». Встретившись с «Фаустовской душой», иными словами, с модерном, Айтматов, и вместе с ним и вся кыргызская культура, должен был иметь дело с новыми явлениями. Через литературные образы писатель смог создать концепты своего видения этих процессов, что в конечном итоге и стало его философией. В двойственности взглядов Айтматова на модерн выражается его открытость, незамкнутость и отсутствие боязни перед модерном, скорее попытка осмыслить и понять его логику. Осмысление встречи с модерном стало одним из ключевых моментов в личной и писательской судьбе Чингиза Айтматова.

Список литературы

- [1] *Айтматов Ч.* Когда падают горы (Вечная невеста). Т. 5. Романы. Б. : Улуу тоолор, 2018.
- [2] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993.
- [3] *Горелов А.А., Горелова Т.А.* «Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 29—43.
- [4] *Гергилов Р.Е.* Отношение О. Шпенглера к фашизму и национал-социализму // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. Vol. 3. № 87. С. 140—151.
- [5] *Айтматов Ч.* Рассказ «Сыпайчы». Т. 6. Рассказы. Диалог. Б. : Улуу тоолор, 2018.
- [6] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990.
- [7] *Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 131—162.
- [8] *Хайдеггер М.* Время и бытие. М. : Республика, 1993.
- [9] *Айтматов Ч.* Рассказ «На реке Байдамтал». Т. 6. Рассказы. Диалог. Б. : Улуу тоолор, 2018.
- [10] *Горфункель А.Х.* Философия эпохи Возрождения. Учеб. пособие. М. : Высш. школа, 1980.
- [11] *Семушкин А.В., Кирабаев Н.С.* Пушкин и религия // А.С. Пушкин и современность (к 200-летию со дня рождения поэта). Доклады и сообщения. М. : Изд-во РУДН, 1999. С. 73.
- [12] *Межуев Б.* Владимир Соловьев: ревнитель вселенской истины. Режим доступа: <https://expert.ru/expert/2022/30/vladimir-solovev-revnitel-vselenskoj-istiny/> (дата обращения: 20.09.2022)
- [13] *Соловьев В.С.* Русская идея // Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Правда, 1989.
- [14] *Горелов А.А.* Ф.М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 50—66.
- [15] *Айтматов Ч.* И дольше века длится день: Роман. Ф. : Кыргызстан, 1981.
- [16] *История философии: Энциклопедия.* Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
- [17] *Айтматов Ч.* Тавро Кассандры. Т. 5. Романы. Б. : Улуу тоолор, 2018.
- [18] *Айтматов Ч.* Т. Плаха. М. : Дет. лит., 2010.
- [19] *Дугин А.Г.* Археомодерн. Москва : Академический Проект, 2023.

References

- [1] Aitmatov Ch. *When the Mountain Falls (Eternal Bride)*. Vol. 5. Novels. B.: Uлуу-toolor; P. 504. (In Russian).
- [2] Spengler O. *Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Gestalt and reality*. Moscow: Thought; 1993. (In Russian).
- [3] Gorelov AA, Gorelova TA. The «Sunset of Europe» by O. Spengler and the Possibility of the Sunset of the World. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2016;(1):29—43. (In Russian).
- [4] Gergilov RE. Attitude of O. Spengler to fascism and national socialism. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2008;3(87):140—151. (In Russian).
- [5] Aitmatov Ch. *The story «Sypaychy»*. Vol. 6. Stories. Dialogue. B.: Uлуу-toolor; 2018. (In Russian).
- [6] Berdyaev NA. *The origins and meaning of Russian communism*. Moscow: Nauka; 1990. (In Russian).
- [7] Motroshilova NV. Black notebooks by M. Heidegger: in the wake of publication. *Questions of Philosophy*. 2015;(4):131—162. (In Russian).

- [8] Heidegger M. *Time and being*. Moscow: Respublika; 1993.
- [9] Aitmatov Ch. *The story «On the Baidamial River»*. Vol. 6. Stories. Dialogue. B.: Uluu-toolor; 2018. (In Russian).
- [10] Gorfunkel АН. *Philosophy of the Renaissance*. Moscow: Higher. School; 1980. (In Russian).
- [11] Semushkin AV, Kirabaev NS. *Pushkin and religion*. In: A.S. Pushkin and modernity (to the 200th anniversary of the birth of the poet). Reports and messages. Moscow; 1999. P. 73. (In Russian).
- [12] Mezhuev M. Vladimir Solovyov: zealot of universal truth. Available from: <https://expert.ru/expert/2022/30/vladimir-solovev-revnitel-vselsenskoj-istiny/> (accessed: 20.09.2022). (In Russian).
- [13] Solovyov VS. *Russian idea // Works: in 2 vols. Vol. 2*. Moscow: Pravda; 1989. (In Russian).
- [14] Gorelov AA. F.M. Dostoevsky: Russian idea and Russian socialism. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2017;(1):50—66. (In Russian).
- [15] Aitmatov Ch. *The Day Lasts More Than a Hundred*. Novel. F.: Kyrgyzstan; 1981. P. 296. (In Russian).
- [16] *History of Philosophy: Encyclopedia*. Minsk: Interpressservice, Book House; 2002. (In Russian).
- [17] Aitmatov Ch. *Cassandra's brand*. Vol. 5. Novels. B.: Uluu-toolor; 2018. (In Russian).
- [18] Aitmatov CH. *The Place of the Skull*. Moscow: Det. lit.; 2010. (In Russian).
- [19] Dugin AG. *Arheomodern*. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2023. (In Russian).

Сведения об авторе:

Кадыров Арген Ишенбекович — аспирант, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: argenkaddyrov@gmail.com). ORCID: 0000-0002-3037-8843

About the author:

Kadyrov Argen I. — PhD student, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: argenkaddyrov@gmail.com). ORCID: 0000-0002-3037-8843